За что израильские «Синонимы» получили «Золотого медведя» в Берлине

«Синонимы»

Режиссер Надав Лапид

Израиль, Франция, Германия, 2019, 123 мин.

Только что дембельнувшийся из израильской армии Йоав срочно улетает в Париж. Он не предупредил родителей, у него почти нет денег, он не знает, что будет делать во Франции. Единственное, что у него есть, — ключи от довольно шикарной парижской квартиры. Откуда они у него, непонятно. Но зритель этого фильма должен быть готов к массе непоняток. До конца картины так и останется непонятным, почему и отчего Йоав, собственно, покинул родину.

Но это нельзя считать неудачей режиссера Надава Лапида. Наоборот, это

секрет его успеха: «Синонимы» получили главный приз на последнем Берлинском фестивале — большой успех израильского кино! Будь мотивы главного героя понятны, приза, уверен, не было бы. Ну, что там? Парню не понравилось дома то-то и то-то, ну, скажем, железная дисциплина израильской армии, или постоянное военное положение в стране, или хамсины, или жара, или иврит.

Хамсины и жара — это я так от фонаря сказал, а иврит — не от фонаря. В Париже Йоав отказывается говорить на родном языке даже со встреченными израильтянами. Только французский, которого он почти не знает. (Название фильма тем и объясняется, что Йоав все время зубрит синонимы французских глаголов). Ну вот, не понравилось ему на родине, он и мотается по свету. Мы такое сто раз видели, за что тут главный приз? Но когда мотив бегства героя упорно не объясняется, фильм раздувается в нечто таинственно-неопределенное, многозначительно-философское и становится *экзистенциальным*. А это very cool, за такое сегодня в Берлине «Золотого медведя» дают. Наше время, понимаете, настолько сложно, что тот, кто говорит о нем что-то ясное, тот, ясное дело, дурак.

Надав Лапид с «Золотым медведем»

У меня есть знакомый, который, приехав в Америку, знал по-английски слов сто, а из того, что говорили американцы, не понимал ни слова. Но через

неделю после прибытия в Нью-Йорк он увидел в русской газете объявление: такая-то американская фирма ищет сотрудника как раз по его инженерной специальности. Терять было нечего, он пошел. На интервью его что-то спрашивали, он, ничего не понимая, что-то отвечал, то есть говорил что-то свое — то, что мог выразить своей сотней слов. И его приняли! Года через три, когда с ним уже можно было общаться, один из интервьюеров по секрету объяснил, что они ни слова не поняли из того, что он говорил, но по умным глазам собеседника видели, что сам-то он это понимает. Так и с современным искусством: ценить надо только те произведения, которые одному их творцу понятны. Или даже ему самому непонятны, а одному Творцу, то есть богу, понятны.

Непонятно-то непонятно, но я тоже не лыком шит. Надав Лапид может быть каким угодно экзистенциалистом-распроэкзистенциалистом, но все равно у него не хватит хуцпы кончить фильм тем, с чего он его начал, то есть тем, что обаятельный красивый Йоав по-прежнему ненавидит Израиль. Э нет, подумал я, в конце парень вернется в Эрец. Дали бы израильские продюсеры Надаву кучу денег на антипатриотический фильм? Наверное, они сказали режиссеру так: «Ладно, пусть он в начале картины бежит из Израиля. Потом… сколько будет длиться твой фильм? Два часа три минуты? Бэсэдэр. Один час пятьдесят восемь, даже пятьдесят девять минут ты можешь крутить как хочешь, но в последние пять минут должен закрутить так, чтобы он вернулся, ну или хотя бы решил вернуться».

Надав так и сделал. Один час пятьдесят девять минут… нет, он немножко нарушил договор… два часа одну минуту Йоав делает черт знает что, а потом дым отечества вдруг становится ему сладок и приятен.

Но что значит, «черт знает что»? Мне немножко неудобно об этом говорить. Понимаете ли, Йоав все время ходит голым. Почему? По разным причинам. То у него всю одежду украли, то он позирует художнику-порнографу, то занимается сексом. (Сексом он занимается с Каролин, возлюбленной молодого француза Эмиля, который практически его содержит). Я не все причины перечислил, они разные, иногда очень странные, но голизна самая настоящая, не какие-то там ракурсы сзади или рукой прикрыто самое главное, нет, фронтально, ясно и четко по десять минут подряд детородный орган.

Но это не порно, а экзистенциализм, поймите же. Голый человек на голой

земле. Непонятно? Сартра нужно читать. В общем, Йоав сверкает гениталиями, потому что он бунтарь, потому что нищ, потому что хочет начать жизнь с самого начала, ab ovo по-латыни. От яйца, в переводе на русский.

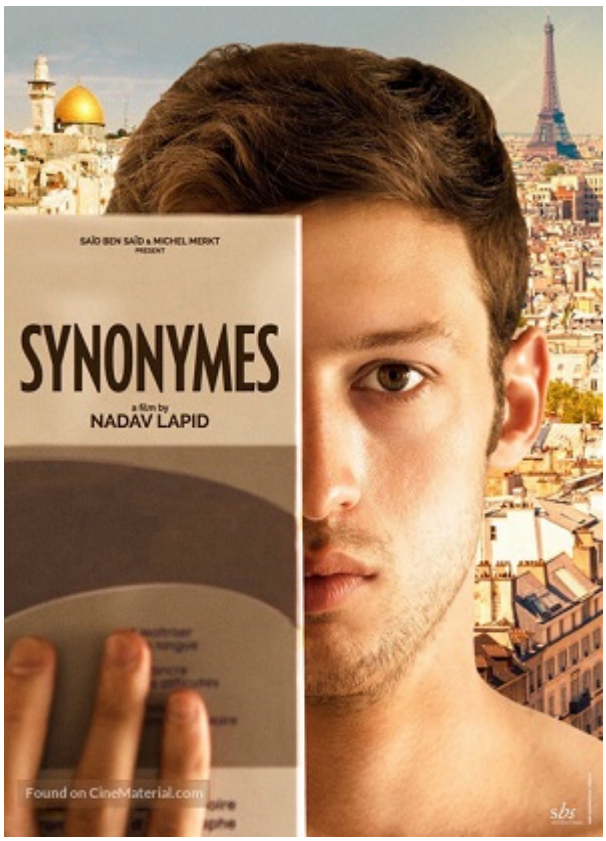
Что еще Йоав в промежутке между началом и финалом делает? Раз он бежал с родины и лицо без адреса и статуса, куда его могут взять на работу? Ну конечно, только security в израильское посольство. Читателям известно, что сейчас масса евреев бежит из Франции по причине антисемитизма. Поэтому у израильского посольства постоянно километровая очередь. Йоав решил ускорить процесс эмиграции: поднял шлагбаум, широко распахнул дверь и призвал всю очередь бежать наперегонки на интервью. Чиновники посольства, не справившись с таким наплывом бегунов-беженцев, добились увольнения Йоава.

Но бунтарь есть бунтарь. Каролин, та самая подруга Эмиля (бывшая, потому что Йоав ради легализации во Франции успел уже на ней жениться), — гобоистка, играет в симфоническом оркестре. Он явился в филармонию и стал орать музыкантам, что они все лицемеры, пиликают Баха с Моцартом, закатывая глазки, будто кайф огромный ловят. Какой может быть кайф? Йоаву эти допотопные зануды ничуть не нравятся, значит, пусть

пиликальщики не лицемерят. Он даже попытался отдубасить одного лицемера, тот еле отбился смычком.

Последней каплей стали курсы для готовящихся к экзамену на французское гражданство. Молоденькая профурсетка на высоких каблучках заставляла петь «Марсельезу», запоминать даты сожжения Жанны Д'Арк и разрушения Бастилии etc. А самое противное, она натаскивала будущих французов, как правильно отвечать на экзаменационные вопросы морально-этического плана. «Если застал жену в постели с любовником, следует ли ее задушить?» «Не-е-ет!» «Если сын хочет выйти замуж за хорошего парня, следует ли его благословить?» «Да-а!» Йоав вынужден подпевать этому хору попугаев, что еще оставалось? Но это политкорректное лицемерие его так достало, что сразу после урока он побежал в филармонию и дал жару лицемерам-снобам.

И после этого Йоав понял: хрен редьки не слаще, что фалафель, что круассан, всюду тот же лицемерный балаган. А раз так, лучше уж лицемерный Эрец, там хоть не надо синонимы зазубривать.

Итак, это фильм про молодого человека, который не без эксцессов — срываясь, спотыкаясь, оголяясь, заблуждаясь, путаясь (ну конечно,

заблуждаясь и путаясь: эта француженка на каблучках, которая его так взбесила, она правильным вещам учила), но искренне и истово ищет истину. В финале картины до него дошло, что надо жить там, где твои корни, авось, со временем дойдет и то, что политкорректность — это не лицемерие, а та самая истина и есть.

Теперь, надеюсь, читатели поняли, почему этот фильм оценен в Берлине по максимуму. И не только в Берлине. Вот что, например, пишет раскрученный московский кинокритик Антон Долин: «Этот притягательный и одновременно отталкивающий фильм угловат и нестандартен. Он удивляет на каждом сюжетном повороте и часто раздражает, как и его герой. Зато он ни на что не похож: просьба назвать аналоги ставит в тупик. Возможно, это высшая заслуга для картины об отказе от идентичности и перемене участи».

Я почти полностью согласен с Долиным. Действительно, ни на что не похоже, что-то совсем новое. Расхождение между нами лишь в том, что я считаю, что это новое не высшей заслугой, а новым нарядом короля. Помните сказку Андерсена, где вся придворная тусовка видит то, чего нет? Там главный герой тоже всю дорогу голый щеголял.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»